

Турецкий марш и внешнее принуждение для Эрдогана

Как и предсказывали многие международные СМИ, 28 мая Реджеп Тайип Эрдоган добился права на третий президентский срок, получив 52,1 %, или 28 млн голосов; лидер Народно-республиканской партии (НРП) и кандидат от оппозиции Кемаль Кылычдароглу финишировал с 47,9 %, или 25,5 млн голосов. По сравнению с первым туром Эрдоган собрал примерно на 700 тыс. голосов больше, а Кылычдароглу – на 900 тыс.

В президентской гонке, которую рисовали как *референдум*, противостояние между светской, либеральной и проевропейской “белой Турцией” и “султаном” из Анкары, разношёрстная коалиция во главе с Кылычдароглу, сформированная вокруг кемалистской партии – основательницы Турецкой республики НРП и включающая националистов из “Хорошей партии”, а также левые и курдские группы, не оправдала ожиданий. Директор Французского института анатолийских исследований в Стамбуле и исследователь Sciences Po Байрам Балджи в интервью *Le Monde* говорит, что при «85 %-ной явке во втором туре» «турецкая демократия высказалась» «в поддержку авторитарного статус-кво» и не поставила «на негарантированное обещание спасительной демократической альтернативы». Это было «сокрушительное для оппозиции» поражение, если учесть, что она «опозорилась» из-за «расистских и ксенофобских акцентов, использованных против сирийских беженцев» – эта тема обсуждалась две последние недели электоральной кампании.

Расистский забег Кылычдароглу

Чтобы завоевать часть правонационалистического электората, Кылычдароглу в обмен на голоса обещал «прогнать сирийцев». Перед этим он сыграл не только карту дороговизны жизни, но и карту инклюзивности, когда объявил, что принадлежит к алевитам – синкретическому религиозному меньшинству, происходящему из шиизма и исторически подвергавшемуся остракизму как в эпоху османов, так и во времена республиканской Турции. Представители алевитов входили в турецкую левую, сталкивались с правыми националистами из числа “Серых волков”, главным политическим выражением которых была Партия националистического движения (ПНД), союзная Партии справедливости и развития (ПСР) Эрдогана. Но алевиты есть и в правых течениях.

Кылычдароглу принадлежит к социал-демократическому течению НРП (созданной Кемалем Ататюрком и в своё время бывшей единственной партией в стране), развившемуся в 60-е годы под началом Бюлента Эджевита (1925–2006). Эджевит пять раз занимал кресло премьера, а в 1974 году в союзе с исламистской Партией национального спасения (ПНС, одной из предшественниц ПСР) Неджметтина Эрбакана начал вторжение на Кипр. Как напоминает специалистка по Турции из Французского института международных отношений Дороте Шмид, позиции НРП, которая воплощает наследие кемализма, «сегодня размыты: считается, что [партия] социал-демократическая, но её можно запросто записать в правые совранисты» (*“La Turquie en 100 questions”*, 2023).

Обращение к ксенофобскому электорату в конечном итоге оказалось «ходом отчаяния», считает *Financial Times*, и дважды проигрышным: кандидат от крайне правой Синан Оган из отколовшегося крыла ПНС выразил поддержку Эрдогану через неделю после первого тура, а Кылычдароглу потерял доверие западных столиц, сообщив о риске разрыва его правительством соглашений о мигрантах, достигнутых с ЕС в 2016 году. Карта беженцев много раз была разыграна Султаном в его отношениях с Брюсселем, однако, как гласит английская поговорка, «знакомый чёрт лучше незнакомого», особенно в том, что касается его способности дозировать дурно пахнущую политическую риторику и прагматическое действие.

“Касымпашский” голлизм

Как сообщает историк Сонер Кагаптай (директор турецких исследований в Вашингтонском институте политики в отношении Среднего Востока и советник Государственного департамента), Эрдоган «принадлежит к поколению сельских иммигрантов из Северной Анатолии». Он вырос среди «переулков и причалов» Касымпаши, одного из «центров Стамбула»: там он получил «касымпашский характер», то есть характер «грубых людей, рабочих и ремесленников, с сильными консервативными традициями, которые не пасуют

перед соперниками и без проблем подчиняют и унижают их». Его видение политического ислама, продолжает историк, происходит из *“Милли Гёрюс”* (“Национального видения”), созданного Эрбаканом движения, которое содержит в себе смесь традиций *«суфийских братств»*, очень могущественных и влиятельных в Турции с османской эпохи и характеризующихся иерархическими отношениями, и *«нативистского и популистского видения»*.

Хотя Эрдоган и выступает как *«антикемалист»*, представляя кемализм как выражение республиканского истеблишмента, он фактически исповедует *«исламский кемализм»*, следуя образу *«Ататюрка как освободителя Турции»* во время войны за независимость 1919–1923 годов, когда осуществлялось *«обращение к государству, чтобы сплотить страну»* после крушения Империи. *«Неоосманизм»* Эрдогана, считает Кагаптай, – *«это то же, что и концепция французского величия»*. По большому счёту, политика можно представить как *«исламского голлиста»*, который стремится утвердить Турцию в роли *«мировой державы»* (*“Erdogan’s Empire”, 2019*).

Что касается анатолийского варианта голлизма для Турции, которая поднимается до роли средней мировой и великой региональной державы, мы обращались к оценке Жана Лакутюра. С точки зрения этого биографа Шарля де Голля, *«республиканская монархия» Пятой республики являлась функциональной политической оболочкой для французского цикла послевоенной модернизации, так называемого “славного тридцатилетия”* (Братоубийственное сведение счётов между Эрдоганом и Гюленом // Пролетарский интернационализм. 2016. Сентябрь. № 25).

Двадцатилетие Эрдогана и “серая Турция”

Фактически 20 лет власти ПСР (согласно французским источникам, насчитывающей на данный момент 11 млн членов против 1,5 млн у НРП) были функциональны не только для ускоренной модернизации, но и для абсорбирования внутренних миграционных потоков в условиях быстрого роста населения. 85-миллионное население Турции растёт на 1,4 % в год, при этом на юго-востоке рост составляет 2 %. За 15 лет население Стамбула выросло на 3 млн жителей и в итоге перешагнуло через отметку в 15 млн, то есть 17,8 % от всего населения.

Правление ПСР исправило политическое нарушение равновесия, которое спровоцировало сильнейшую нестабильность вплоть до трёх военных переворотов с 1960 по 1980 год, нестабильные коалиции и глубокий финансовый кризис в конце 90-х. Самого Эрдогана в 1997 году военные отстранили от власти, а в 2007 году ему угрожали армейские течения. Как напоминает Кагаптай, *«европейское принуждение»* было инструментом для укрощения вооружённых сил и утверждения доминирования ПСР, но также для совершения экономической модернизации с привлечением капиталов и становлением анатолийского бизнеса, одной из составляющих политико-электорального успеха партии.

Цитируя турецких социологов, Шмид подчёркивает, что в течение этого же двадцатилетия благодаря урбанизации рядом с историческим противопоставлением *«белой Турции»* (городской, вестернизированной и светской буржуазии – столпа кемализма) и *«чёрной Турции»* сельской и консервативной анатолийской глубинки возникла *«серая Турция»*, или *«гибридная Турция»* – *«отпрыски новых средних и высших слоёв, переехавших из деревни в город»*. Это *«поколение набожное, но городское, очень образованное, часто [обучавшееся] в западных университетах»*, поощряющее развитие *«демократии и политического плюрализма»* (Schmid D. *Op. cit.*).

“Третий тур” выборов и дозировки султана

Во время и после выборов и *Le Monde*, и *Financial Times* рассчитывали на *«третий тур»*, то есть на голосование рынков, которое действовало бы в противовес переизбранью Эрдогана на третий срок и навязало бы ему пересмотр экономической политики – в особенности подчинения центрального банка правительству, которое благоприятствует смягчению монетарной политики. Во время октябрьской инаугурационной речи, празднуя *«век Турции»* в преддверии столетия со дня основания Республики, Эрдоган принял представителей 81 страны под звуки *“Турецкого марша”* Моцарта и прошёлся по истории страны, рассказав о

шестнадцати её воплощениях – туранских империях и государствах начиная с III века до н. э. и заканчивая Османской империей.

Рассказал он, кстати, и о составе нового правительства, которое *Le Monde* прозвала «двуглавым» – либеральным в экономике и национал-консервативным во внешней и внутренней политике. С точки зрения источника в правительстве Турции, с назначением на пост министра финансов Мехмета Шимшека, бывшего банкира Merrill Lynch в Лондоне и министра финансов в 2009–2015 годы, Эрдоган делает «предложение доверия мировому финансовому рынку». Шимшек «встретился с Эрдоганом и до, и после выборов, а также пользуется поддержкой оппозиции».

Шимшек – архитектор независимости ЦБ, он добился назначения главой банка Хафизе Эрдан, которая стала первой женщиной на этом посту. 44-летняя Эрдан, родившаяся в Стамбуле, работала в Goldman Sachs и затем в крупном региональном калифорнийском банке First Republic, недавно поглощённом JPMorgan. На Уолл-Стрит, говорящую по-английски и по-немецки турчанку-американку Эрдан знают как «незаурядную турецкую девушку» из-за её способностей к финансовому анализу. Назначения Шимшека и Эрдан, похоже, получили определённое одобрение рынков. Это демонстрация прагматизма Эрдогана, который, судя по всему, хочет вернуть поддержку центристских течений ПСР, частично перешедших на сторону оппозиции.

Министерство иностранных дел отныне доверено Хакану Фидану, с 2010 года возглавлявшему Национальную разведывательную организацию. Эрдоган охарактеризовал его как «хранителя моих секретов и секретов государства». Фидан известен как один из исполнителей турецкой внешней политики: он участвовал в сирийской и ливийской войнах, а также в переговорах с Рабочей партией Курдистана (РПК), призванных политически разрешить внутренний конфликт между Анкарой и курдскими ополченцами.

“Дети диаспоры”

Стоит упомянуть и назначение на пост министра по делам семьи Махинур Оздемир Гёкташ. Рождённая в Брюсселе в турецком квартале Схарбек, дочь эмигрантов из города Конья, с 2009 по 2015 год она была депутатом в Бельгии. В 2019 году Эрдоган назначил её первой женщиной-послом Турции в Алжире. Это представительница продвигаемого ПСР «феминизма под вуалью», который, как считает *Le Figaro*, даёт надежду «феминистским милитанткам» в Турции, опасаящимся разворота в отсталость. Во многих аспектах султан, кланяясь внешнему принуждению, разыгрывает карту инклюзивности и социального продвижения, используя дочерей турецкой диаспоры, будь то “чёрной” или “белой”.

Согласно официальной статистике, диаспора насчитывает 6,5 млн человек, из которых 5 млн живут в Европе. Расширенная статистика, которая объединяет разные поколения, оценивает, что от 3 до 7 млн человек родом из Турции проживают в Германии и свыше 1 млн во Франции; от 500 тыс. до 2 млн в Нидерландах, 500 тыс. в Великобритании, от 300 до 500 тыс. в Австрии и, наконец, от 250 до 500 тыс. в Бельгии. В эти данные включено также значительное число курдов (Schmid D. *Op. cit.*). Это большие ресурсы, которые Анкара не боится мобилизовать и которые представляют собой пуповину, связывающую Турцию и ЕС.

Июнь 2023 г.